

УДК 343.352 :316 + 342.951:328.185

ГЕНЕЗИС КОРРУПЦИИ И ПРОФИЛАКТИКА

Л.В. Канаева

В статье описывается закономерность проявления коррупции в период неорганической модернизации и аномии. Генезис коррупции рассматривается в рамках отставания институционального развития и синхронной разработки соответствующих правовых актов. Выход видится в усилении антикоррупционного социального контроля и демократизации организационной культуры.

Ключевые слова: генезис коррупции, типы модернизации, аномия, девиантное поведение.

Коррупция, как и любое разрушительное социальное явление, начинается с отклонения от модальных правовых и этических норм, которые потеряли свою функциональность вследствие устаревания, неточности, искаженности. Девиация разрастаясь, приобретает и делинквентные формы – наиболее циничные и уголовно наказуемые. Если нет своевременного политико-правового противодействия, то коррупция приобретает массовый характер и, как следствие, толерантное отношение населения, затрудняющее пресечение коррупции на этапе зарождения. Эффективные исправления и превенции связаны с комплексом институционально-регулятивных, информационно-рекламных, воспитательно-пропагандистских мер, которые должны не только остановить коррупционную аномалию, но произвести социальную диверсификацию, создав такие альтернативные практики, которые сделают коррупцию в обновленном обществе невозможной.

Россию нельзя назвать страной, отстающей от мировых антикоррупционных тенденций. Так был принят обширный комплекс нормативно-правовых актов, согласно которым все государственные структуры и организации обязаны разрабатывать этические и технические мероприятия по предупреждению коррупции.

Была поддержана идея государственной прозрачности в проектах «Электронная Россия» и «Открытое Правительство», благодаря которым информационная открытость власти отчасти способствовала развитию гражданской активности, ослаблению недоверия к российской политике и снижению коррупционной напряженности.

Для искоренения коррупции в современном нестабильном обществе важно понимание генезиса ее зарождения, условий существования и массового роста, что позволит эффективно пресекать коррупционные девиации и делинквентности.

Поэтому целью данной статьи является анализ фундаментальных причин социальной неустойчивости в России, как основа для выработки адекватных методов коррекции коррупции. В качестве методологической осно-

вы использованы теории: институционализма, циклического развития, модернизации, аномии и девиантности, концепции электронной открытости, социального контроля, социальной акмеологии.

1. Модернизация как источник аномии и коррупции

Во всех модернизирующихся обществах есть сходные черты, одна из них – масштабность и многосторонность коррупции, вдруг обретающей «новое дыхание». В контексте теории жизненных циклов этот феномен можно объяснить *законом эволюционной повторяемости* в каждом новом цикле пройденных примитивных форм социальных отношений. В трансформационный период возникает особая неустойчивость, порождающая нежелательные рецидивы из прошлого и девиации из настоящего, совокупность которых усугубляет социальный хаос.

Аномия, описанная на рубеже XIX–XX вв. Э. Дюркгеймом, как состояние массового неприятия старого порядка, норм и ценностей, в такие переходные периоды всегда возрождается. А базовые формы социальных отношений искажаются и пронизываются коррупционными схемами. Устанавливается единственно приемлемая для данного неустойчивого периода идеология либерально-рыночного типа, неотъемлемой частью которой, увы, становится и коррупция. Однако в хаосе транзитности есть и конструктивная сторона – создание новаций, преобразующих общество и человека. На основе чего происходит пресловутая «борьба противоположностей» – ветхого и переходного во имя установления нового социального порядка.

Упомянутый закон эволюционной повторяемости, специфично проявляющийся и в географическом пространстве, объясняет сходство развития России с другими странами, проходящими свой вариант модернизации рубежа XX–XIX веков. Регистрируемый у нас всплеск девиантности и делинквентности указывает на аномию, обусловленную деградацией старых норм и дефицитом принципиально новых. Вследствие чего, закономерна недостаточность этико-правовой регуляции, а вместе с ней и внутренних регуляторов личности, в значительной степени зависящих от социокультурной среды. Минимизация государственного контроля реактивно снижает и личный самоконтроль, который, получив возможность «расслабиться» от социального давления норм, в некотором смысле «отдыхает» до окончания переходного периода.

Как утверждают биологи, изучающие мутации животного мира [2, с. 248–249], ставшие ненужными внутренними регуляторы, не умирают, а латентно присутствуют и включаются, когда извне поступает соответствующий вызов. Более того, их экспериментальные воздействия на насекомых в условиях измененной среды и питания, демонстрируют парадоксальные модификации в трансформации фенотипов. Когда, например, из личинки с одним геномом может родиться бескрылая или крылатая форма муравьев, одиночная или стайная саранча. Причем исследуемые популя-

ции проявляют как сплошную адаптацию к новым условиям и «переключение» на диверсифицированный путь развития, так и дискретную, то есть не все обладают способностью к кардинальным изменениям.

Экстраполируя эти выводы на преобразующийся социум, можно предположить, что нравственная деградация россиян лишь временна, и не превратится в социально закрепленную генетическую мутацию. Пока же происходит адаптивный компромисс – люди вынуждены приспосабливаться к неблагоприятному в духовно-нравственном смысле периоду. Нарботанные когда-то социально-этические и альтруистические качества, в силу идеологической неостребованности не могут полноценно функционировать. Включены лишь базовые эгоистические регуляторы, отвечающие за выживание любыми средствами. Однако как только социокультурная ситуация изменится в положительную сторону, «спящие-отдыхающие» нравственные качества активизируются с новой силой.

Как видим, отдаленные аналогии из биоэволюции подтверждают благоприятный исход социальных трансформаций и вселяют надежду, что люди, как более разумные высокоорганизованные существа, способны изменить свою среду обитания и питания (всех видов потребления). Иначе их ждет неэффективная модернизация, глобальная неконкурентоспособность, демографическая деградация (не коррумпированная часть населения просто покинет страну).

Чтоб переломить затянувшуюся в России нормативно-ценностную аномалию, нужно изменить характер неорганической модернизации, слишком долго ориентирующейся на чужую идеологию, образцы и стандарты. При всей важности глобализационных процессов в плане сотрудничества и обмена, особенно с лидерами международного развития, более важной становится *органическое* развитие, обеспечивающее духовное укрепление и сплочение страны на основе собственных инновационных достижений. И уже сегодня, в наступающий постглобальный период начинают выравниваться либеральные отклонения, усиливается патриотизм, правовая культура и ответственность.

Итак, в переходных условиях коррупционные практики резко возрастают, создавая прямое и косвенное противодействие модернизации – в виде практик лоббирования, манипуляций, должностных злоупотреблений. Чтобы трансформационный период закончился удачно, и не закрепились массовые девиации коррупционных практик, необходимы серьезные инвестиции в разработку социально-гуманитарных технологий, ускоряющих модернизацию общества через обновленного человека, особенно в части ценностно-рационального типа (по М. Веберу) поведения.

2. Генезис коррупции – институциональное отставание

Широкая распространенность коррупции в мире не случайна, поскольку все известные ее формы: получение разнообразных взяток, родственно-

клановый nepoтизм, рэкет (рента), протекция, приватизация, на грани казнокрадства – основаны на традиционных поведенческих алгоритмах типа:

- делать авансированные подарки, обеспечивая для себя благосклонность;
- обмениваться услугами в рамках взаимовыручки;
- поддерживать близких и использовать родственно-клановые связи;
- не упускать прибыль и ситуативные шансы.

Конечно, в них есть доля манипуляций и ловкой предприимчивости, но в целом такие формы микрогруппового поведения не противоречат здравому смыслу и не вызывают этического порицания. Общественная толерантность прекращается тогда, когда эти алгоритмы взаимодействий переносятся в формальные деловые сферы, игнорируя принятые более сложные институциональные нормы и понижая их до исходных, предковых. Что приходится классифицировать как отклоняющееся от современных демократической деловой культуры поведение, как деформация или несформированность профессионально-должностного правосознания.

Коррупция начинается тогда, когда такой примитивный, неполноценный профессионал *цели общественного служения* подменяет корыстными интересами. Понятно, что возможно лишь в тех сферах, где несовершенны трудовые и демократические нормы, а именно: профессиональный отбор, должностные стандарты поведения, нормирование и оценка труда, влияние общественного контроля. Подобное отставание в развитии политико-управленческих институтов позволяет лицам с искаженным социальным и правовым сознанием *паразитировать* на общенародной собственности и клиентах, присваивая незаконные блага и доходы.

Оказание преференций и теневых услуг не является для должностного лица трудоемким процессом, адекватным получаемому вознаграждению. «Легкие» деньги достаются только тогда, когда трудовые процедуры недостаточно регламентированы и калькулируемы, не имеют публичной открытости и отчетности.

Современные разработки таких локальных нормативных актов как должностные инструкции, увы, не раскрывают детали и особенности ролевого поведения работника, а в них содержится огромный дисциплинирующий потенциал. Кроме того, закрытые должностные инструкции от клиентов и коллег, минимизируют противодействующую апелляцию к норме. В результате, чем выше ранг работника, тем произвольнее выполнение им своих обязанностей.

Четко прописанный ролевой алгоритм не позволит коррупционерам навязывать отклоняющееся ролевое поведение своим визави, заражать и приучать их и дальше распространять порочную практику на другие уровни отношений. Где ролевое поведение коррупционера и коррумпирующего может взаимопревращаться, поскольку оба «одного поля ягоды» – поля *вне*институционального и весьма теневого из-за упущений в должностном нормотворчестве.

Сформированная профессионально-деловая нечистоплотность на низших карьерных ступенях по мере продвижения может стать более социально опасной и перерасти в политическую коррупцию. Тогда не минуемы государственное разложение, кризис управляемости, волюнтаристское перераспределение общественной собственности.

Например, подкупленный и зависимый от Запада олигархат Украины подвел страну к неконтролируемости политической ситуации, истреблению демократической воли народа, дисфункциональности общественных институтов. Применение манипулятивных технологий в духе макиавеллизма зомбировало инфантильное сознание масс, распалило антигуманные очаги национальной ментальности. Сопrotивление же дискриминируемого русскоязычного населения Украины, осознающего последствия провокационных националистических конфликтогенов, встретило непредсказуемое по силе агрессивности подавление. Так, не сдерживаемая нравственными императивами и политико-организационными регламентами, «дремучая» коррупционная воля становится инструментом многих страшных преступлений против человечества, прикрываясь цивилизаторской миссией вестернизации страны.

Среди экспертов существует точка зрения, что коррупция неистребима в силу генетической зафиксированности вышеуказанных алгоритмов с архаических времен, и непотизм есть необходимая неформальная смазка деловым отношениям. Однако это противоречит теории эволюции социальных институтов, поскольку общество, развиваясь, дифференцирует сферы формальные и неформальные, усложняет нормы, ценности, правила, ролевые сценарии, коммуникации.

Рассмотренные онтогенетические причины коррупции: применение неформальных алгоритмов поведения в институционально-формализованных сферах, профессионально-правовая несформированность, ведущая к злоупотреблениям и социальному паразитированию, а также несовершенство организационной культуры и пробелы в должностных регламентах - помогают идентифицировать суть отклонений, чтоб учесть их природу в антикоррупционной профилактике.

Коррупция искоренима, если диверсифицировать трудовую культуру высших чиновников в части строгой аттестации должностных компетенций, нормирования производительности труда и оценки его эффективности, исходя из отзывов клиентов или подведомственных сообществ. Другой вопрос: как это сделать, преодолев сопротивление этих же высокопоставленных чиновников, склонных к консервативному застою, вместо инновационного самосовершенствования. Наверно только через синхронизацию профессионально-технических инноваций и демократических преобразований, что лучше всего способствует усилению социального контроля и соблюдению этико-дисциплинарной ответственности.

3. Анतिकоррупционный контроль и организационная профилактика

Роль социального контроля последнее время начала возрастать и получила нормативно-правовое оформление в ФЗ «Об общественном контроле». Действительно, практика показывает, что он может быть более эффективным, чем государственный в силу своей массовости, неподкупности, экономичности и упредительности на этапе начала злоупотреблений, а не постфакта правонарушения. Уровень правовой грамотности населения возрос, как и степень владения новейшими средствами коммуникации, фото-аудио-видео-фиксации доказательств. К этой общей информационной и технической подготовленности россиян остается добавить катализатор в виде обязательности (а не свободного права) участия в общественном контроле, и признать это базовой нормой постлиберальной демократии.

Пока же в рамках борьбы с коррупцией контролирующие инстанции растут «как грибы». Курс усиления государственного контроля в борьбе с коррупцией оказался слишком затратным, чтоб продолжать наращивать вложение средств в расширение контролирующих органов. Разрастающаяся сеть контролеров может сама превратиться в коррупциогенную зону, нуждающуюся во внутреннем антикоррупционном контроле, который также не застрахован от подкупа. Именно на это указывает А.В. Бирюков, размышляя о достоверности декларируемых сведений о доходах и имуществе служащих, когда проверяемому должностному лицу достаточно лишь поделиться с проверяющим должностным лицом. [1, с.60] Коррупционная цепочка немного удлинится, ставки подрастут, а социальное разложение останется.

Осознание, что противодействие коррупции не способны осуществлять люди, сами погрязшие в коррупции, подвело к поэтапному очищению от этой болезни – сначала верх властной пирамиды, а затем и нижестоящие уровни. Так для федерального правительства и государственных организаций были приняты специальные нормативные документы: программы, планы мероприятий, этические кодексы, добровольные ограничения и новые обязанности [3] – упреждающие личностно-должностной конфликт интересов и коррупционные соблазны. Создание на топ-уровне неблагоприятной атмосферы для коррупционных замыслов, предполагает автоматическое достижение позитивных результатов и внизу.

Однако, если метод бюрократических предписаний и жестких ограничений наверху может сработать, не значит, что эта же технология даст аналогичные эффекты на уровне бюджетных организаций и бизнес-сектора. Для них целесообразнее не «кнуты», а «пряники», мотивирующие на принципиально иные формы трудового поведения – партисипативные и акмеологические. Первые предполагают демократическое участие работников в различных комитетах, комиссиях, вплоть до совета директоров и участие в обсуждениях принимаемых решений. Вторые – возможность совершенствовать себя и организацию, через творческие проекты и

рациональные предложения по исправлению несовершенств. Так ускорится демократизация трудовых отношений и организационное развитие.

«Девелопментаризм», как разновидность социальной акмеологии, присущ немногим передовым российским предприятиям, но считается обязательным в западном менеджменте. Общеизвестно, если внимание работников не направлено на развитие организации и/или социальных институтов, то оно переключается на поиск личных выгод. Следовательно, чтобы не допустить девиантной креативности, организационное поведение персонала должно активно мотивироваться на совершенствование рабочих процессов, стандартов, коммуникаций, условий и качества труда. Тогда не будет разновекторности, дуализма мышления, деструктивных отклонений трудового поведения.

Во избежание пустого прожектерства, важно выбрать оптимальные способы: подачи инновационных предложений, морально-материального стимулирования авторов, открытости процедур принятия решений, коллективного участия в их продвижении и реализации. Естественно, учитывая специфику организаций: больших и малых, сетевых и вертикально интегрированных, государственных, муниципальных, отраслевых, общественных. Уделяя особое внимание их интегрированности в профессиональные сообщества, чтобы стимулировать отраслевую солидарность, взаимокоррекцию и обмен опытом, но минимизировать нечистоплотную конкуренцию и закрытость.

Такой формат организационной демократии можно назвать «Открытая организация», которая может стать частью и логичным продолжением проектов «Открытый регион», «Открытый муниципалитет», инициированных «Открытым правительством» России. Поскольку основные цели: повышение кадрового потенциала, качества решений, эффективности производств и предоставления услуг, снижение уровня коррупции, рост качества жизни и доверия между государством и обществом – являются единими для государственных, муниципальных и частных организаций.

К сожалению, жесткий инструментарий противодействия коррупции в стране наращивается активнее, чем стимулирование альтернативных форм поведения. Такой не всегда сбалансированный и гуманный характер антикоррупционной политики чреват демотивацией инициативных работников, отчуждением от акмеологических стремлений на своем рабочем месте и социальном пространстве.

Библиографический список

1. Бирюков, А.В. Нормативно-правовые превенции современной борьбы с коррупцией в России / А.В. Бирюков // Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 5. – С. 58–63.
2. Памятка об ограничениях, запретах и обязанностях работников организаций, находящихся в ведении Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, установленные в целях противодействия коррупции. – М.: Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, 2013. – 21 с.

Наука ЮУрГУ: материалы 67-й научной конференции
Секции социально-гуманитарных наук

3. Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Попытки социологического анализа / Под ред. Г.А. Сатарова. – М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2013. – 752 с.